

ПОНЯТИЕ «ПРЕЛЕСТЬ» В РОМАНЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

Дзыга Я. О., аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы

В статті розглядаються різні значення слова «прекрасне» в «Путях небесних» І. Шмельова та вплив на нього Л. Толстого.

The article deals with various senses of concept «charm» in I. Shmelyr's novel «Ways in heaven», as well as Tolstoy's traditions.

В романе Шмелева «Пути небесные» «прелесть» – одно из наиболее употребительных и значимых понятий. В современных словарях фиксируются разные значения этого слова: «очарование, обаяние, внушаемое кем-, чем-л. красивым, приятным, привлекательным; привлекательность, привлекательная сторона чего-л.; устар., женская красота, красивое женское тело; разг., ласковое обращение; о том, кто (или что) вызывает восхищение красотой, изяществом и т. п.» [1, с.378]. Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» к перечисленным добавляет еще одно значение, маркированное как устаревшее, – «обольщение, соблазн» [2, с.227]. Между тем в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля именно оно выделено первым: «что обольщает в высшей мере; обольщенье, обаянье; // мана, морока, обман, соблазн, совращенье от злого духа; // стар. ковы, хитрость, коварство, лукавство, обман», а уже затем идут «красота, краса, баса, пригожество и милovidность, изящество», причем, и в этом случае сохраняется оттенок первого значения: красота, «что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю» [3, с.393]. Негативное значение слова исторически первично [4, с.327], а все остальные позитивные, фиксируемые современными словарями, – результат секуляризации сознания русского человека и связанных с этим изменений в социально-нравственном укладе общества.

В соответствии с изначальной традицией Шмелев вкладывает в понятие «прелесть» вполне определенный морально-нравственный смысл. в «Путях небесных» – это прежде всего «наваждение», «безумие», «прельщение», «соблазн», «искушение». Шмелев тут выступает как преемник традиций духовной литературы, на него влияют жития, проповеди и другие ее жанры.

В соответствии с той же традицией писатель употребляет и понятие «прелестница», которое в словаре В. Даля определено следующим образом: «прельщающий, обольщающий собою, обольститель, соблазнитель; волокита; кокетка; женщина дурной славы» [3, с.555]. Слово «прелестница» употребляется Шмелевым 14 раз: «Повсюду кричал соблазн... с накрашенных дам – «прелестниц» – так называла Даринька»; «Кружился Кузнецкий мост... подхватывали хвосты прелестницы...»; «... говорил, что она ... как ... прелестница, в этих... Четьи-Минях»; «Говорю про гадость, про сравнение со святой, с бывшей «прелестницей», убежавшей в пустыню из разврата...»; «Кузнецкий и пассажи сленили ... роєм модниц и дорогих прелестниц»; «Гусары знают, как развлекать прелестных...» и т.д. Указанное значение подкрепляется у Шмелева синонимами: «блудница», «вакханка», «содержанка», «любовница». Вспоминая историю с Вагаевым, героиня романа думает: «Да, я была блудница, прелестница... прельщение владело душой моей, и я не могла собрать ее под начал, соблазны сеяли мою душу, как сор, пригоршнями».

В тексте романа есть прямые указания на источники такого толкования слова «прелесть»: «Она знала, по житиям и из рассказов в монастыре, что это «прелесть» и «наваждение», и надо бороться молитвой». (Ср. у Иоанна Лествичника: «Будучи во искушении, я ощутил, что волк блуда хочет обольстить меня, производя в душе моей бессловесную радость, слезы и утешения; и по младенчеству своему я думал, что получил плод Благодати, а не тщету и прелесть» 5, с.64).

Однако наряду со святоотеческой литературой на Шмелева воздействовала и классическая художественная литература, благодаря которой в нашем языковом обиходе и закрепилось употребление слова «прелесть» преимущественно в эстетическом смысле. В этой связи особенно значительно на автора «Путей небесных» влияние Л.Толстого.

В «Войне и мире» и «Анне Карениной» понятие «прелесть» употребляется, в основном, в современном, т.е. в светском, значении, при котором актуализируется семантический пласт, связанный с восхищением красотой человека, предмета, природы, наконец, самого чувства. При помощи производных от слова «прелесть» Толстой создает представление о некоторых деталях облика или внешности человека в целом: «прелестный ротик», «прелестное детское робкое личико» («Война и мир»); «прелестная фигура и голова Анны» («Анна Каренина»). Как правило, это «прелестный» относится не только к физическим качествам героев, но к

особенностям их поведения, психо-физическому складу личности в целом. Смысловая доминанта понятия «прелесть» – внешняя привлекательность – получает у Толстого дополнительный смысл внутреннего богатства и полноты жизни: «прелестная шестнадцатилетняя девочка», «что за прелесть эта Наташа», «что за прелесть эта Соня», «экая прелесть этот Николай», «что за прелесть этот дядюшка» («Война и мир»); «прелестная Кити», «прелестные дети» («Анна Каренина»). «Прелесть» у Толстого – это внешнее проявление душевной чистоты, наружная красота в его мире должна быть оправдана нравственно. Такого рода оправдание имеет у него, например, Долли, когда собирается с детьми к причастию: «Тенерь она одевалась не для себя, не для своей красоты, а для того, чтоб она, как мать этих прелестей, не испортила общего впечатления» («Анна Каренина»). Всякая попытка употребить слово «прелесть» не по назначению, в контексте толстовских романов выглядит едва ли не кощунственной. Характеристику, которую дает Элен Безуховой Анна Павловна («Ах, это такая несчастная и прелестная женщина!») выдает едва ли не саркастическое отношение автора к самой Шерер. В одном из эпизодов «Анны Карениной» содержится прямой спор о правомерности расширения границ «понятия»: если Стива Облонский допускает «прелесть» в падшей женщине, то для Левина эта характеристика неприменима к существу нравственно ущербному: «Я прелестных падших созданий не видал и не увижу, а такие, как та крашенная француженка у конторки, с завитками, – это для меня гадины, и все падшие – такие же» («Анна Каренина») [8, с.51].

«Прелесть» может быть у Толстого и характеристикой чувства. В значении «притягательная сила» употреблено это слово для выражения настроений Николая Ростова после знакомства с княжной Марьей: «После его свиданья с княжной Марьей, хотя образ жизни его наружно оставался тот же, но все прежние удовольствия потеряли для него свою прелесть, и он часто думал о княжне Марье...» («Война и мир») [7, с.30]. Самой княжне Марье доводилось испытывать «прелесть печали и самозабвения», проигравшемуся Николаю Ростову домашняя жизнь вспоминалась не иначе как «с прелестью», позже эта «прелесть» пригрезилась ему в игре Наташи. Во время скандального объяснения с женой Пьер ощутил «прелесть бешенства». В последнем случае, как бы вне намерений автора, в слове отчетливо проступает его «старое» значение: страсть, затемняющая понимание истинного смысла событий, до неузнаваемости искажающая личность.

Значение «восхищение красотой» в понятии «прелесть» у Толстого может быть связано и с впечатлениями от природы. После сенокоса Левина очаровала красота ночи: «Как все прелестно в эту прелестную ночь!» («Анна Каренина»). Те же чувства переживает Наташа в Отрадном, в этом случае поэтическое впечатление от сцены усиливается приемом нагнетания лексического ряда:

« – Соня! Соня! – послышался опять первый голос. – Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – сказала она почти со слезами в голосе. – Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало» («Война и мир») [6, с.164]. В «Анне Карениной» тот же прием использован при описании Анны на балу: «Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна гвердая шея с ниткой жемчуга, прелестны выющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести» («Анна Каренина») [8, с.95-96]. И в данном случае повтор ведет к некоторому изменению семантики слова. Как бы случайно, не делая из этого каких-либо моральных выводов, автор дает указание на необычность прелести героини, имеющей тенденцию перерастать в свою противоположность.

«Прелесть» у Толстого нередко является формой ласкового обращения. Долли при расставании с Анной называет ее «моя прелесть».

Особое место в художественном мире Толстого занимают случаи, когда понятие «прелесть» не называется, но его значение актуализируется через лексическое окружение, контекст: «В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшей ее румяные губы» («Анна Каренина») 7, с.72 ; «В гостиную входила Анна. Как всегда, держась чрезвычайно прямо, своим быстрым, твердым и легким шагом, отличавшим ее от походки других светских женщин, и не изменяя направления взгляда, она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и с этою улыбкой оглянулась на Вронского» 8, с.153].

Рассмотренные случаи употребления Толстым интересующего нас понятия позволяют заключить, что оно функционирует в его романах в качестве эстетической, а чаще морально-эстетической категории и при этом является характеристикой не духовных, но душевных качеств личности.

Среди современников Шмелева ни на кого толстовские представления о прелести не оказали столь сильное влияние, как на Бунина. Понятие «прелесть» широко используется писателем для характеристики внешности персон и может относиться как к деталям, так и к облику в целом: «Но что за прелестная мордашка у тебя!» («Мадрид»); «На теле у нее тоже было много маленьких темных родинок – эта особенность была прелестна» («Руся»); «Белизна ее ножек ... была невыразимо прелестна...» («Жизнь Арсеньева»); «Вы и всегда были прелестны, а теперь прелестны просто на удивление!» («Галя Ганская»); «Она была похожа на индианку... Но я в этом находил даже какую-то особенную прелесть» («Жизнь Арсеньева»); «...все было прелестно в этой маленькой женщине» («Солнечный удар»). При этом Бунин по сравнению с Толстым сужает объем понятия, у него «прелесть» – это в первую очередь эстетическая оценка. Есть примеры использования слова «прелесть» в значении «источник физического обаяния»: «Чувство только что испытанных наслаждений всей ее женской прелестью было еще живо в нем» («Солнечный удар»).

Как и Толстой, Бунин употребляет это понятие и для характеристики эмоций: «...я не чаял такой прелести любви и радости...» («Жизнь Арсеньева»). Чаще всего прелесть у Бунина – это характеристика, одинаково относящаяся и к объекту, и к субъекту повествования, бурная привязанность к эстетическому в мире или в другом человеке: «Детская душа моя начинает привыкать к своей новой обители, находить в ней много прелести...»; «Всюду была своя прелесть!»; «...во всем непонятная прелесть...»; «И была в эти легендарные времена... весна, и был кто-то ...день и ночь таивший в себе тоску о своем будущем, где, казалось, ожидала его вся прелесть и радость мира» («Жизнь Арсеньева»). В «Жизни Арсеньева» слово «прелесть» сигнализирует о ностальгическом подтексте воспоминаний героя: «Только там...было нечто отцовское...; и только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого...»; «Я нередко рассказывал ей о своем детстве, ранней юности, о поэтической прелести нашей усадьбы...»; «...нет, нынче же вон, назад, в Батурино, в родной, прелестный дом!» Подобное впечатление может относиться к отдельным деталям воспоминаний. Речь может идти, к примеру, о комнате в родном доме («Я виновато поклонился, прошел по балкону в раскрытые двери гостиной, совершенно прелестной своей утренней тишиной и пустотой...») или даже крыше этого старого дома («...непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний»).

Прелесть для Бунина разлита и в природе, причем может относиться не только к конкретной реалистической картинке, но и к широкому космическому плану: «Какой прелестный и по виду и по имени цветок цвел в густой и высокой траве...»; «...мы пошли по лесу, вошли в его...веселое и прелестное царство» ; «Солнце скрылось за притихший сад... только последний луч одиноко краснеет в углу на паркете... как мучительна его безмолвная и печальная прелесть!»; «...увидал...бледную и грустную осеннюю луну... такую грустную и исполненную такой неземной прелести...» («Жизнь Арсеньева»); «прелестное небо» («В ночном море»).

Менее бурно проявляются у Бунина прелести иного, не материального порядка: «...чувствую поэтическую прелесть этой ночной работы»; «...ради Сашки и прелестей деревенского безделья бросил гимназию» («Жизнь Арсеньева»); «...есть какая-то осенняя прелесть в этих стихах» («Холодная осень»).

Во всех перечисленных примерах писатель не отступает от привычного нам эстетического, современного толкования слова «прелесть». Тем более обращают на себя внимание случаи, когда в значении слова «прелесть» появляется дополнительный смысл: обаяние невинности, чистота. При этом Бунин порой даже по сравнению с Толстым усиливает эти смысловые оттенки за счет окружающих слово в тексте эпитетов: «Я все это клоню к тому, в каком похабном месте вдруг опять встретил ее во всей ее чистой, благородной прелести...» («Речной трактир»); «Женили меня родители на прекрасной девице... которая была... дивной прелести... личико прозрачное, первого снега белей, глаза лазоревые, как у святых отроковиц...» («Железная шерсть»); «Я знал ее в пору ее наивысшей прелести, невинности и... почти отроческой доверчивости и робости...» («В ночном море»).

На Шмелева в «Путях небесных», несомненно, тоже оказала влияние толстовская традиция употребления слова «прелесть», неожиданно сблизив его с Буниным. В «Путях небесных» 52

раза встречаются слова и словосочетания, включающие в себя понятие «прелесть». и в 5 случаях интересующее нас понятие, помимо общепринятых значений, приобретает у Шмелева «бунинский» семантический оттенок – «обаяние невинности, чистота», – не зафиксированный в словарях: «Передо мной была осветленная, возносящая красота. Не красота... это грубое слово тут, а прелестная девичья чистота... юница, воистину непорочная»; «Все это отступило перед прелестной девичьей чистотой, перед осветляющими, лучистыми глазами»; «Виктор Алексеевич... приходил в восторг... от «неземной», от ее детской прелести...»; «В Дариньке это «вечное», это мерцание миров иных, «небесная красота»... необъяснимая, неназываемая прелесть – «чарующая прелесть», «какой-то святой ребенок», как сказал доктор Хаңдриков». И в этом случае Шмелев явно уходит от традиционных духовных норм. Так же, как у Толстого и у Бунина, рассмотренные случаи не являются обращением к устаревшему значению, но представляют собой авторское привнесение в семантику слова.

«Прелесть» в смысле «обаяние невинности» как антитеза другой «прелести», в значении «обольщение, соблазн», упоминается в романе в 26 случаях: «Даринька признавалась, что «все это смущало мою душу неодолимой прелестью»; «...я ужасалась – и бежала навстречу прелести...»; «...она все забыла и предалась прелести»; «Она вспоминала после это «безумие», это упоившее ощущение прелести...»; «...в этом «чуде» таилась уловляющая прелесть» и др.

Понятие «прелесть» у Шмелева многозначно: «неназываемая прелесть», «чарующая прелесть», «неземная прелесть», «детская прелесть»; а также «уловляющая прелесть», «искушающая прелесть», «неодолимая прелесть». Иногда он прибегает к сложным смысловым образованиям, содержащим в качестве компонента-ядра понятие «прелесть»: «прелестно-новая», «прелестная-чужая». Эти сочетания отличаются внутренней антиномичностью: «Он называл ее страстно-нежно – «новая моя... прелестно-азартная моя!..» и восторженно повторял, что не мог и вообразить, чтобы такая бесплотная, такая небесная, какую видел совсем недавно в келье матушки Агнии, могла оказаться такой страстуней, такой азарткой-лошадницей!»

В 21 случае в слове актуализируется значение «внешняя привлекательность, обаяние, очарование, исходящее от кого-, чего-либо». В 16 случаях речь при этом идет о Дариньке. Шмелев не связывает это с какой-то внешней чертой героини («эта прелестная головка»), прелесть у него – ее постоянное качество: «Даринька вдруг открылась живой и прелестной женщиной...»; «увидал прелестную голубую Дариньку»; «прелестная девочка»; «какую прелестную видели мы сегодня»; «вы прелестны, сударыня!»; «прелестная-то какая!»; «За здоровье прелестной королевы» и др. Только в 5 случаях из 21 данное слово относится к предметам или общим понятиям: «прелесть жизни»; «прелестный вальс»; «...подкатил на паре, такая прелесть...»; «...какие на ней серьги, прелесть»; «Серьги были «совсем те самые»... Какая прелесть!..»

«Пути небесные» – произведение, в котором Шмелев попытался синтезировать традиции духовной и светской литературы. Но уже характер употребления слова «прелесть» в романе показывает на серьезные противоречия, которые писателю не удалось примирить. Формально в романе чаще упоминается «старое», богословское понятие, относящееся к сфере духовной жизни, однако в художественном плане доминирует «новое», толстовское (или толстовско-бунинское) понятие «прелести», указывающее не на духовное, но на душевное, и относящееся к сфере психологизма и внешней описательности в литературе.

Литература

1. Словарь русского языка: В 4 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – Т.3. – 752с.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – Т.11. – 1394 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1990. – Т.3. – 555 с.
4. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1989. – 599 с.
5. Иоанн Лествичник. Малая Лествица Преподобного Отца нашего Иоанна, Игумна Синайской Горы. – Варшава, 1934. – С.64.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. – М.: Худож. лит, 1980. – Т. 5. – 429 с.
7. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. – М.: Худож. лит, 1981. – Т.7. – 432 с.
8. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. – М.: Худож. лит, 1981. – Т.8. – 495 с.
9. Бунин И.А. Собр. Соч. – В 6 т. – М.: Худож. лит, 1988. – Т.5. – 639 с.
10. Шмелев И.С. Пути небесные. – М.: Сов. писатель, 1991. – 585 с.